

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Сергей
Пионтковский**

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

МАТЕРИАЛЫ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Советский век

Сергей Пионтковский

**Гражданская война в России.
Материалы по горячим следам**

«Алисторус»

1925

УДК 94(47).084.3«1918/1922»
ББК 63.3(2)612

Пионтковский С. А.

Гражданская война в России. Материалы по горячим следам /
С. А. Пионтковский — «Алисторус», 1925 — (Советский век)

ISBN 978-5-00269-337-5

Эта книга долго находилась под запретом: материалы о Гражданской войне, собранные известным историком С. А. Пионтковским вскоре после ее окончания, в 1925 году, позже были засекречены или утеряны, а сама книга на 100 лет похоронена в спецархиве. В ней есть документы как «красных», так и «белых», причем, даны они без какой-либо предвзятости и идеологических комментариев, в оригинальном виде. В данном издании приводятся материалы, непосредственно связанные с военными действиями советских и антисоветских армий, политическими и организационными вопросами, - приказы и послания Ленина, Троцкого, Колчака, Деникина, Врангеля, Петлюры и других. Среди собранных С. А. Пионтковским документов немало относится к роли западных держав в Гражданской войне в России, и эти документы также представлены в книге. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).084.3«1918/1922»

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-00269-337-5

© Пионтковский С. А., 1925

© Алисторус, 1925

Содержание

Оборона Советской Республики	6
Брестский мир и гражданская война	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Андреевич Пионтковский

Гражданская война в России

Материалы по горячим следам

© Пионтковский С. А., 2026.

© ООО «Издательство Родина», 2026

Оборона Советской Республики

Брестский мир и гражданская война

(из доклада В. И. Ленина на VII Съезде РКП, 7 марта 1918 года)

Гражданская война стала фактом. Стало фактом то, что мы предсказывали в начале революции и даже в начале войны, на что отвечали тогда в значительной части социалистических кругов с недоверием или даже с насмешкой, а именно, превращение империалистской войны в войну гражданскую.

Эта война с 25 октября 1917 года для одной из самых больших, из самых отсталых стран, участвовавших в войне, стала фактом. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они появлялись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, а соглашательские элементы оказались лишенными всякой экономической опоры в среде населения. Война с ними неизбежно завершалась переходом широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, на сторону большевиков. Это мы видели в Питере на гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались; это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине.

По всей России пробежала волна гражданской войны, и везде мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел; потому, что массы уже проделали весь опыт соглашательства с буржуазией. Лозунги Советской власти стали неизбежными потому что, их практически проверили массы долгим историческим опытом.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой пришлось в силу зигзагов истории начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи – организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависит от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы.

Этой готовой формой явились Советы не потому, что в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, а потому, что политическая новая форма была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить Советскую власть из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в официально признанную форму российского государства – Российскую Советскую Республику. Она родилась сразу, так легко родилась потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше, чем какая бы то ни была партия успела провозгласить даже этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, – вот что создало эту форму пролетарской власти.

У нас не было и быть не могло сомнения, что социальная революция стояла перед задачами гигантской трудности. (Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. В результате – республика Советов родилась сразу). Оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не является тем триумфальным шествием, которым шла наша революция.

Это, во-первых, задача внутренней организации, стоящая перед всякой социалистической революцией. Отличие социальной революции от буржуазной состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих организаций не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, – вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи.

По самым своим условиям она ни коим образом не допускала решения на „ура“, того решения, которым нам удавалось преодолевать задачи гражданской войны. Этого решения не допускала суть дела. Если мы легко побеждали калединцев и создали Советскую Республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания; если такой ход событий объективным предыдущим развитием был предreshен, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо: „Совет существует, как организация профессиональная“, написать: „Совет есть единственная форма государственной власти“, то этот метод совсем не годился по отношению к задачам организационным.

Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал бы вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы преодолеть это разложение и те элементы этого разложения, которые смотрели на революцию, как на способ отделаться от старых пут, сорвать с нее, что можно. Эти элементы должны были неизбежно возникнуть в большом числе в мелкокрестьянской стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба, в сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, – борьба, которую мы только-только начали.

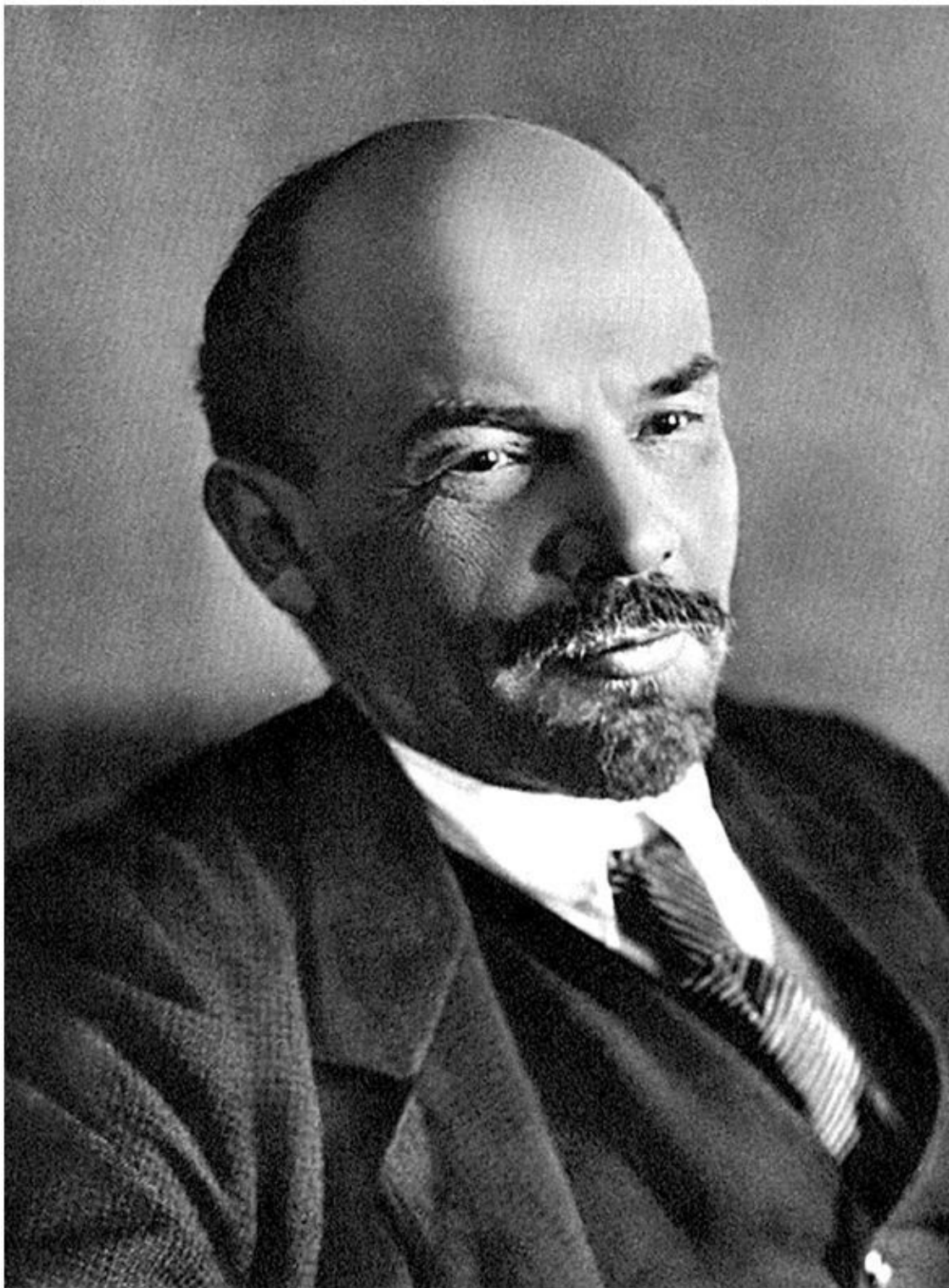
Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не ограничимся триумфальным шествием с развернутыми знаменами. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом, как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

То же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся триумфальным шествием молодых товарищей, когда перед русской революцией конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи. Это вторая задача – решение вопроса международной революции.

Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, то только потому, что специально сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма.

Международный империализм, который обладает мощностью всего объединенного капитала и всю мощность военной техники, представляет гигантскую реальную силу, который ни в коем случае, ни при каких условиях ужиться рядом с Советской Республикой не мог и по своему объективному положению, и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, не мог в силу торговых связей, международных и финансовых отношений. Тут конфликт представлялся неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема – необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделав переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой. Эта задача стояла перед нами со всеми невероятными трудностями.

Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно то обстоятельство, почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после октября мы получили возможность такого легкого перехода от триумфа к триумфу. Между тем это было легко только потому, что специально сложившаяся международная империалистическая атмосфера временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. Отдельным же империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы.

В.И. Ленин. Петроград, январь 1918 года

Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, которая дошла до невероятных пределов, до мертвой схватки, попали в такое положение, что ни одна из борющихся групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре, наша революция случилась как раз, – это парадоксально, но справедливо, – в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистических стран в виде уничтожения миллионов людей; на четвертом году войны, когда она измучила народ неслыханными бедствиями; когда воюющие страны подошли

к тупику, к распутию; когда стал объективный вопрос, смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы.

Только благодаря тому, что наша революция произошла в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно броситься друг на друга, ни соединиться против нас; только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать свое блестящее триумфальное шествие по Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию.

Только этим обгоняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии интеллигенты, сверхчеловеки из партийных работников, которые, дав себя увлечь этим триумфальным шествием, сказали: „С международным империализмом мы справимся, там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет». За пределами России также росло революционное движение, но во всех без исключения империалистических странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать; у нас же неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать; в Европе – наоборот: там будет гораздо легче продолжать уже начавшуюся революцию. Это объективное положение создало то обстоятельство, что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом истории.

От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами, как это ни приятно было бы, конечно, нельзя, ибо мы имеем в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать никоим образом нельзя, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности.

Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к большевикам, которые не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние создало гигантский кризис. Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение. У нас армии нет, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который все еще остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять нельзя. Лежит смиренный домашний зверь рядом с тигром и убеждает его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций! Последнее может быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки наших партий, интеллигенция и часть рабочих организаций попытались отделаться прежде всего фразами и отговорками. Этот мир был слишком невероятен, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с открытыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы должны были уступить, приняв унижительные условия. Никогда! Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: „Немец не сможет наступать!».

Это было первой отговоркой, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение: приходится при помощи неслыханно трудной организационной работы пройти через ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя с убеждением, что революция зреет во всех странах и в конце

концов, – в конце концов, а не в начале начал, – какие бы трудности мы ни переживали, какие поражения нам ни были бы суждены, международная социалистическая революция придет, ибо она уже идет; созреет, ибо она уже зреет. Наше спасение от всех этих трудностей, повторяю, во всевропейской революции. Мы исходим из совершенно абстрактной истины, руководясь которой мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу.

Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, – то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка – шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это мы слышали и набили на этом оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы откинули, потому что, как несомненно, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяками является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, наконец, созреет – совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодня трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: „Я ставлю карту на международное социалистическое движение, и могу делать какие угодно глупости».

„Либкнехт выручит потому, что он все равно победит!» Он нас выручит потому, что мы знаем, что он победит. Он даст такую великолепную организацию, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение Западной Европы, благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев тогда, когда на его победу требовались десятки лет на Западе.

Итак, совершенно никчемна авантюра перенесения в новый исторический период старого метода решения вопросов борьбы триумфальным шествием, ибо новый период поставил перед нами не гнилушки Керенского и Корнилова, а преподнес могучего международного хищника, ибо на Западе революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантурой было решение вопроса, что враг против революции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что оно может разродиться сейчас. Нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Они не хотят понять, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, хотя несколько не забывали, что рядом с нашим смирным домашним зверем лежит тигр. Односторонним приказом втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация не были против этой демобилизации? Что же, мы совершенно с ума сошли? Абсолютно несколько. Офицеры не-большевики говорили еще до октября, что армия не может воевать, что ее даже на несколько недель на фронте не удержать. Это после октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт неприглядной действительности, а не прятаться за гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно было сделать, – скорее демобилизовать ее. Это большая часть организма, которая с неслыханными мучениями терпела лишения войны, на которую пошла технически-неподготовленной, вышла из нее в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, которые вынесли эти неслыханные страдания. Мы в сотнях резолюций с полной откровенностью даже в течение первого периода русской революции говорили: „Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать, можно было проделывать мошенни-

чество Керенского, можно было отстрочить конец на несколько недель, но объективная действительность все же прокладывала себе дорогу.

Армия – теперь больная часть русского государственного организма, которая не может вынести тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей еще не настолько больных, тем скорее страна может быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего протеста принимали решение, с точки зрения внешних событий нелепое, – демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что надежда удержать армию – легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать ее, тем скорее начнется оздоровление всего организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: „немец не может наступать», из которой вытекала другая: „Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни война, ни подписание мира». Но если немец наступит? „Нет, он не может наступать!» А вы имеете право ставить на карту даже не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том, не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Вы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, ибо мы все с 25 октября стали оборонцами, признающими защиту отечества, мы все знаем, что порвали с империалистами, не на словах, а на деле разорвали тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир так, что народы могли увидеть на деле наши намерения! Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской Республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла теперь своя плоды?

Таков факт. Тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней левой оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никким образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в один момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантией того, что мы на нем шеи не сломаем, является то обстоятельство, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, который состоял в необыкновенном количестве литературы и всяких дискуссий, в создании достаточного числа расколов, события принесли нам новый способ, как людям учиться. Это – способ проверки спора фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать? Из вашей тактики вытекало то, что можно объявить состояние войны прекращенным? Но вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хочется, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно; не таким темпом, который наша история выработала в октябре, когда мы приходили в любой город и провозглашали Советскую власть и девять десятых рабочих примыкают к нам. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. Кто же с кем должен считаться? Мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютная истина, что без немецкой революции мы погибнем. Погибнем, может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке или в других далеких местах, куда нам предстоит отступать, до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петербурга до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, мы погибнем. Тем не мене, это ни капли не колеблет нашей обязанности суметь вынести самое трудное положение без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала. Это надо уметь взять, как факт. Надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как в России, где, громадной части населения было совершенно все равно, какие там на окраинах живут народы, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко; это значило поднять перышко, а начать без труда и под-

готовки революции в стране, где пышно развился капитализм, дать демократическую культуру и организованность последнему человеку, – нелепая мечта. Там мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Мы не знаем, как не знает никто, возможно ли, что она победит через несколько недель, даже через несколько дней. Но этого нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра. Когда же начнется, конечно, нас не будут больше мучить сомнения, не будет больше вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого-еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она очень больно нас побила, но – за битого двух небитых дают!

После того, как история на этой надежде, что немец не сможет наступать, нас очень больно побила, я уверен, что этот урок быстро пройдет в сознание революционных масс, благодаря нашим советским организациям. Эти массы шевелятся, обсуждают, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас идут не старые революционные споры, которые остаются внутри партийных кругов, а выносятся на обсуждение масс, которые требуют проверки опытом, делом, которые никогда не дают себя увлечь легкими речами, никогда не дают сбить с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от этого можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика. Он умеет разными революционными заклинаниями отговориться от того простого факта, что армии нет, и от того, что революция в Германии еще не наступила. Миллионные массы, а политика начинается там, где миллионы, не там, где тысячи, а только там, где миллионы, начинается серьезная политика, – миллионы знают, что такое армия, ибо видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, что воевать, мы не можем, что всякий человек все, что мыслимо было, вынес.

Масса уже поняла ту истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший мирный договор. Это неизбежно! Пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее, до тех пор больной не выздоровеет. Но этих задач мы „на ура“ не возьмем; этих затруднений не скинем, как скинули Керенского или Корнилова. Вот урок, который массы усвоили без оговорок, которые пытались некоторые преподнести им, чтобы отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие с октября по январь, потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником. Да, повороты истории очень тяжелы, тяжелы особенно потому, что Октябрьский переворот не все поняли. Когда в 1907 г. мы подписали неслыханный позорный внутренний договор со Столыпиным, мы переживали то же самое в маленьком масштабе по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежавшие к лучшему авангарду революции, говорили: „Мы – гордые революционеры; мы верим русской революции; мы в подполье никогда не пойдем!“ Пойдете. Жизнь масс, жизнь истории сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, – так вас история заставит. Это были очень левые, от которых ничего, как от фракции, не осталось, кроме дыма, при первом же повороте истории. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти снова, сумеем выйти и теперь потому, что это не наш каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создалась оттого, что европейская революция, вопреки нашему желанию, посмела запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Надо уметь отступить! Невероятно горькой действительности фразой не закрыть. Надо сказать: „Дай бог отступить в полном порядке“. Мы в порядке отступить не можем; дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы больная часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров, он преодолеет болезнь. Нельзя требовать, чтобы он преодолел ее моментально, чтобы остановил бегущую

армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: „Товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии», это было принято за обидное предложение: „Нас хотят послать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны!»

Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку, это было предложением лично удостовериться, что армия начала неслыханно бежать. Мы и раньше это знали, и раньше нельзя было закрывать глаз на то, что разложение дошло там до неслыханных фактов, до продажи солдатами за гроши наших орудий немцам. Это мы знали, как знаем и то, что их нельзя удержать. И отговорка, что немец не станет наступать, была величайшей авантюрой! Нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить нельзя сразу. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен ползать на брюхе в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, потому что другой дороги нет, потому что история сложилась так неприятно, что революция должна созреть в обеих странах одновременно.

Гражданская война началась, как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что поднимаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка. Я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки, но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть момент действительности; если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают правдоподобным человеческим языком, они не стали бы интересоваться!.. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить, а вы измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра – тогда что? Тогда масса скажет вам: „вы поступили как эгоисты, вы ставили карту на счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными в том положении, которое оказалось вместо ожидаемой международной революции, которая придет незаметно, но которая еще не созрела».

Наступил период тяжчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая должна была демобилизовать армию. То, что я предсказывал, наступило целиком. Вместо Брестского мира мы получили мир гораздо более унижительный по вине тех, кто не брал его. Мы сидели в Бресте за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом. Этим мы тогда помогали немецкой революции, а теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали им свои миллионные богатства: пушки, снаряды, продовольствие. Случилось то, что должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы, действительно, оказались добычей неприятеля в несколько дней. Получивши этот урок, мы наш раскол и кризис изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник, – всемирная революция.

Когда нам говорят по вопросу о ратификации нового Тильзитского мира неслыханного, более грабительского, чем Брестский, я отвечаю: – „Безусловно, да». Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения октябрьской и ноябрьской тактики, испробованной внутри одной нашей страны, тактики триумфального периода революции с помощью нашей фантазии на весь ход революции оказалась битой историей. Когда говорят, что передышка это – фантазия; когда газета называется „Коммунист», должно быть, от Парижской Коммуны; когда эта газета наполняет столбец за столбцом опровержениями теории передышки, – тогда я вижу ясно (мне много пришлось пережить фракционных столкновений

и расколов, так что я имею большую привычку), но вижу ясно, что старым способом фракционных расколов эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро; здесь она действует великолепно; история гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция „Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере уже разочаруется в ее идеях, потому что жизнь в это время показывает, что передышка – факт.

Сейчас мы, подписавши мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, чем войной, потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли потому, что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армии не могут, и не остановили бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.